

The article raises the problem of the formation in the Far Eastern regions of effective employment policies. Based on the analysis of regional demographic and migration problems of the basic directions of their solution. The conclusion about the need to form an effective employment policy, in the first place, by attracting labor resources based on measures to stimulate inland migration flows.

Keywords: productive employment, labor market, migration, workforce, employment policy, the regions of the Far East

Information about the author

1. Kozlova Olga – Doctor of Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Prof. of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Shelomentsev Andrey – Doctor of Economics, Prof., Head of Department of Regional Socio-Economic Systems Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Yekaterinburg, Prof. of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: chel61@mail.ru

УДК 911

В.В Литовский

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕРАСПЕРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В НОВОМ КОНЦЕПТЕ ИХ РАЗВИТИЯ

В работе обсуждается проблема пространственных дисбалансов в распределении производительных сил, включая трудовые ресурсы, и новые явления в их пространственном поведении и предложен новый концепт учета этого в условиях грядущей транспортной революции на базе авторской трехфакторной оценки процессов, характеризующих эволюцию территориальных производительных сил.

Ключевые слова: демографические процессы, производительные силы, Урал, Евразия

В настоящее время отношение к постперестроечной практике решения социально-экономических задач на основе упрощенных подходов (монетаризма, инерционного использования инструментария балансовых методов и оценок национального или регионального дохода преимущественно со стороны его стоимостного состава [1]) изменилось. Существенно изменилась и ситуация в сфере трудового капитала, миграционных и сопряженных с ними явлений, что требует современного переосмысления возникших феноменов и их последствий.

Связано это не только с тем, что экономика стала открытой и каждая очередная попытка временного решения проблем упрощенными, например, монетарными методами не только не приводит к желаемым результатам, но напротив, ведет к инфляции, очередному диспаритету регионального капитала по отношению к экстерриториальному, его оттоку или сокращению, а в итоге – к еще большей экстерриториальной зависимости региональных производительных сил, включая их трудовые ресурсы. В отношении последних упрощенные подходы проявляются чаще всего в примитивном решении проблемы занятости и в использовании ущемленного социально-культурного и правового

положения мигрантов. С учетом таких подходов на рынке труда упрощенные подходы оказались стратегически малоэффективными и не привели к кардинальным сдвигам в сфере основного производства или в решении крупномасштабных инфраструктурных проектов. В отличие, от России Казахстан, например, направил ресурсы по этому руслу и за то же время сформировал эффективную и перспективную транспортно-логистическую систему, связавшую страну не только по всем ее стратегически важным внутренним направлениям, но и по ключевым внешним осям. Ныне, благодаря Казахстану и Туркменистану, Урал через их национальные сети тоже получил выход на юг, в частности, на железнодорожную сеть Ирана и к Персидскому заливу, причем его меридиональная ось оказалась самой интересной для охвата Евразийского континента и связывания его Арктической зоны с Индийским океаном (рис.).

Рис. Урал как кратчайший евразийский меридиональный коридор

В то же время была получена и пока еще до конца не осознанная вполне проблема диспаритета концентрации человеческого и трудового капитала (табл. 1).

Таблица 1

Потенциал взаимодействия с евразийским сообществом по уральской оси Север – Юг

Территории Коридора Север – Юг	Субъекты территорий	ВВП, млрд долл., (долл/чел)	Место в мире	Площадь территории, км ²	Место в мире	Численность населения, млн чел.	Место в мире
<i>Северные</i>	Российская Федерация (Уральский Федеральный округ)	2015 (14037) 124 (10144)	8 46	17125187 4,2% – водная 1818497	1	143666931 (8,4 чел/км ²) 12234224 6,7 чел/км ²	9
	Республики:						
<i>Центральные</i>	Казахстан	224 (12975)	44 (60)	272490 км ² , Водная -1,5%	9	17264584 (6,3)	62
	Узбекистан	62 (2034)		447400 км ² , Водная – 0,7%	56	30488600 (68)	41
	Киргизия	6,5 (1125)		198500 км ² , Водная – 3,6%	86	5776570 (29)	110
	Таджикистан	8,6 (1048)		142100 км ² , Водная – 0,3%	93	8205400 (58)	96
	Туркмения	34 (6577)		491200 км ² , Водная – 4,9%	53	5 169 660 (10,5)	94
<i>Вместе:</i>		335		1,55 млн км ²		66.7 млн. чел	
<i>Западный</i>	Китай	7318	2	9596960	3	1366499000 (142)	1
	Синьцзянь- Уйгурский автон. район	120 (5300)		1664900		22600000 14 чел/км ²	

Территории Коридора Север – Юг	Субъекты территорий	ВВП, млрд долл., (долл/чел)	Место в мире	Площадь территории, км ²	Место в мире	Численность населения, млн чел.	Место в мире
<i>Южные</i>	Иран	987 (12800)	19 (103)	1648000 км ² , Водная - 0,7%		80840513 49 чел/ км ²	
	Индия	4735 (3693)	3 (129)	3287263 км ² , Водная - 9,5%	7	1220800359 (371) чел/ км ²	2
	Пакистан	488 (2800)	28	803940 км ²	35	183209612 228 чел/км ²	6
	Афганистан	21 (687)	96	652864 км ² ,	41	31108077 48 чел/км ²	40
Всего		6231 млрд долл.		6.392 млн км ² ,		1,515 млрд чел	
	С Синьцзянь- Уйгурским АР	6351 млрд долл.		8,057 млн км ²		1,742 млрд чел ²	
	С Китаем	13549 млрд долл.		15,989 млн км ²		2,882 млрд чел ²	
	С центральными	13884 млрд долл.		17,539 млн км ²		2,949 млрд чел ²	
	С Уралом	14008 млрд долл.		19,340 млн км ²		2,961 млрд чел ²	
	С Россией	15899 млрд долл.		34,664 млн км ²		3,092 млрд чел ²	

Как показывают данные таблицы 1, в макрорегионе имеют место значительные пространственные, концентрационные и финансовые дисбалансы. Но самой серьезной является проблема «злонамеренного демографического приоритета молодежи» в ряде регионов Евразии, провоцирующей на континенте, по Хайнзону [2], конфликты на любой ситуационной основе.

По мнению этого исследователя, наблюдаемая ныне волна терроризма и насилия есть лишь следствие, вышеуказанного феномена демографического приоритета, или «разбухания молодежи» («Youth Bulge»). В количественном аспекте, по Хайнзону, насилие имеет тенденцию вспыхивать в тех обществах, где доля юношей от 15 до 29 лет составляет больше 30 % от общего населения. Под какой личиной оно начинается – это уже вторичный фактор (национализм, религиозный экстремизм или социал-дарвинизм). В настоящее время Хайзоном выявлено около 70 таких стран, причем в 60 из них уже имеют место факты геноцида и признаки гражданской войны. Для стран, не способных сопротивляться «приоритету молодежи» из других стран, им используется термин «демографический сбой», количественно определяемый по соотношению количества мужчин в возрасте 40–44 лет с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. В частности, демографический сбой, по Хайнзону, происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится менее 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. Для сравнения: в Германии это соотношение им оценивается как 100 к 50, тогда как в секторе Газы – 100 к 464. Соответственно, в Ираке на 100 мужчин, выделенной возрастной категории, приходится 351 мальчика в возрасте до 4 лет, в Афганистане – 403, а в Сомали – 364. Из этого он делает вывод о том, что Германия демографически уже готова к сдаче мигрантам из этих и прочих стран с «приоритетом молодежи». Собственно, нынешние проблемы Евросоюза с мигрантами – лишь вершина айсберга, связанного с гигантским приоритетом молодежи из мусульманского мира в будущем, где произошел демографический сдвиг. Оценки Хайзона показали, что в течение пяти поколений (с 1900 по 2000 гг.) население в мусульманском мире выросло более чем 800 % (со 150 млн до 1,2 млрд чел.), в Индии на 400% (с 250 млн до 1 млрд), а в Китае – на 300% (с 400 млн до 1,2 млрд). В то же время удельный вес Европы в процентном отношении к общей численности популяции земного шара резко снизился. Так, Европа без России в 1900 г.

имела численность 330 млн чел., или около 21%, тогда как в 2006 г. – 590 млн, или 9%. Россия – 70 млн (1900 г.), или 4% и 142 млн, или 2% (2006 г.). Таким образом, доля России сократилась в 2 раза, а Европы даже более чем в 2 раза. Доля Японии сократилась на четверть, а англосаксонского мира (США, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и Канада) на 15%. (121 млн в 1900 г. (7,5%) против 420 млн в 2000 г. (6,4%)). При этом доля США уменьшилась лишь на 0,02% (76 мл в 1900 г. (4,7%) и 300 млн в 2006 г. (4,6 %)). Таким образом, в результате геополитики XX в. в числе наиболее сократившихся оказалась российская и западноевропейская популяции. Соответственно, для России с ее дисбалансом вышеуказанное имеет не меньшие проблемы, чем для Западной Европы.

Но меньшую угрозу в пространственном и геополитическом аспекте для России таят в себе и запущенные с перестройкой механизмы мягкого зарубежного воздействия на ее экономику, например, инструментария международного «консалтинга» и формирования программных стратегических документов с иллюзорными идеями оживления экономики с помощью развития «международных транспортных коридоров», на деле являющихся еще лишь одним инструментом переформатирования внутреннего геоэкономического или отдельно взятого этнонационального пространства России для внешнего доминирования.

Примером тому является проект Баренц-Линк, ориентированный на прикрепление российских территорий с этнофинно-угорским компонентом к скандинавской оси доминантного западноевропейского развития в рамках идеи Северного транспортного коридора [3], который, по декларациям западных экспертов, призван активировать северные территории европейской части России, а на самом деле «нанизать» их на эту ось и поставить в зависимость от Баренц-региона. В качестве инструмента мягкого влияния здесь использовалась риторика о возможности привлечения в проект значительных скандинавских инвестиций. В качестве аргумента показывался потенциал для инвестирования в экономику Северо-Западного района Российской Федерации стран Баренц-региона (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение некоторых социально-экономических показателей территорий, расположенных в зоне влияния Северного транспортного коридора [3, с.73]

Индикаторы	Северные страны	Российские территории Баренц Региона	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская Область(с НАО)	Республика Коми
I. Ресурсы:						
Территория, тыс. км ²	1173,3	1328,7	144,9	180,5	587,4	415,9
Население, млн чел.	19,0	3,84	0,86	0,70	1,291	0,99
II. Социально-экономические показатели:						
ВВП территории, млрд долл.	831,2	16,5	4,1	1,9	5,5	5,0
ВВП на душу населения, тыс. долл.	41,8	4,1	4,7	2,8	4,2	5,03
Средняя продолжительность жизни, лет	79,6	62,9	64,0	62,5	62,5	62,7
III. Транспорт						
Протяженность сети автомобильных дорог общего пользования, тыс. км	269,3	25,1	2,6	7,8	8,4	6,3
Протяженность сети	26,8	5,1	0,87	0,70	1,78	1,76

Индикаторы	Северные страны	Российские территории Баренц Региона	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская Область(с НАО)	Республика Коми
железных дорог, тыс. км						
Уровень автомобилизации (количество легковых автомобилей/1000 чел. населения)	445	205	192	195	129 278 (НАО)	232

Данные таблицы позволяют сделать вывод, что помимо финансового перевеса имеет место и существенный перевес в человеческом капитале, что также при определенных условиях может стать дестабилизирующим фактором, равно как и фактором потенциальной экспансии. В этой связи и в связи с санкциями мною указывалось на целесообразность приоритетного развития экономики доминантных региональных пространств для внутренних задач на базе крупных географических систем (например, Хибин, Тимано-Печорский кряжа, Уральских гор), являющихся естественными концентраторами природных ресурсов.

В целом вышеизложенное указывает на необходимость формирования новой парадигмы развития страны и политики в отношении человеческого капитала в условиях открытости социально-экономической системы, учитывающих в большей степени не инструментарий пространственного перераспределения финансового и трудового, а прежде всего – накопления на территориях овеществленного капитала. Собственно, с учетом этого автором и был предложен качественно новый проект модернизации регионального хозяйства и перевода экономики Урала к новому технологическому укладу, – «Урарктика» [4], где ключевой стала идея фундаментального перехода от минерально-сырьевых сценариев развития экономики страны к транспортно-сетевым и использования потенциала горнометаллургического, машиностроительного и военно-промышленного комплексов Урала для перевода экономики страны на пятый и шестой технологическиеклады посредством приоритетного развития в регионе инфраструктуры транснет-систем и сети скоростного транспорта второго уровня. В проекте нашла отражение идея организации сезонных ритмов меридиональной миграции в масштабе евразийского континента для снятия вышеуказанных противоречий и одновременного решения проблемы трудовых ресурсов для обеспечения стабильного меридионального товарообмена и насыщения социокультурными ценностями. В итоге для организации правильной работы «открытой экономики» мною была предложена трехфакторная модель оценки потоков по трем основным блокам производительных сил (овеществленного, трудового и финансового капитала) с оценкой результирующего прироста регионального богатства в виде овеществленного капитала (предприятий, объектов инфраструктуры, населенных пунктов, объектов социальной инфраструктуры) [5]. Особенно это важно для территорий первичного освоения, где трансформации имеют «неэкономический», или экзогенный характер.

Соответственно, в первом приближении было предложено использовать вероятностный, а точнее, дилатационный подход, на базе которого в комплексе оцениваются относительные трудовые ($\Delta p / p$), материальные ($\Delta M / M$) и финансовые ($\Delta d / d$) потоки материально-вещественных ресурсов как индикаторы положительной или отрицательной работы геоэкономической структуры, а также совокупная вероятность их воздействия на эволюцию экономической системы, $P(m, p, d, t)$, определяемая соотношением

$$P(m, p, d, t) = (\Delta m / m) \times (\Delta p / p) \times (\Delta d / d) \times (\Delta t / T) \quad (1).$$

Здесь последний сомножитель – есть относительное время функционирования системы. В целом же для эволюционирующих систем правильнее было бы говорить не о вероятностях, а о дивергенциях или дилатациях потоков ресурсов, что, за исключением однонаправленного фактора времени, позволяет понимать и отрицательное поведение систем на базе трех блоков факторов прироста вещественного капитала Δm , трудового Δp и финансового Δd . Ясно, что для принципиального выполнения условия (1), необходимо, чтобы из этих трех факторов либо все имели положительные значения, либо только два – отрицательное (в рамках теории потока являлись источниками, а не стоками). Например, если система теряет кадры, создавая положительный поток трудовых ресурсов, но отрицательное изменение внутри, то она работает как источник. Поэтому для получения итогового положительного эффекта по двум оставшимся группам ресурсов (материально-вещественным ресурсам, а также финансам), она по одному из них обязана срабатывать как сток, а по другому – как источник. Соответственно, если система теряет кадры с финансами, то ее деятельность положительна при условии накопления материально-вещественных ресурсов. Наконец, при распродаже материально-вещественных ресурсов и оттоке кадров (организации положительных потоков или источников) итоговая работа системы станет положительной, если это приведет к концентрации финансовых ресурсов. Если эти условия не выполняются, например, в территориальной экономической системе при положительных потоках материально-вещественных и финансовых ресурсов население территории (трудовые ресурсы) сокращается, то система срабатывает отрицательно. Особенно примечательна ситуация с отрицательным эффектом, когда при двух положительных источниках, а именно: оттоке сырьевых и финансовых ресурсов система становится стоком человеческих или трудовых ресурсов. Последнее сопряжено с возможностью провоцирования сильно неравновесных состояний системы и резких качественных или фазовых переходов с вероятностью самоуничтожения или уничтожения системы, в частности, из-за «молодежных пузырей» [6] провоцирования конфликтов и войн, по Хайнзону. Именно поэтому в таких сильно неравновесных или переходных системах наиболее благодатная почва для политики разделения и властвования, и крайне остра потребность в регуляции факторов дисбаланса, от которых зависит итоговый знак эволюции системы.

Таким образом, отслеживание правильности функционирования и эволюции экономических систем на данной основе составляет и ключевую проблему макрорегулирования (государственного управления) крупными экономическими территориальными системами, а уравнение (1) является «лакмусом» по оценке эффективности того или иного аппарата территориального управления, включая управления по миграционной политике и демографии. В целом задача оптимизации экономической деятельности того или иного территориального субъекта хозяйствования сводится к задаче выявления эффективности управления или работы по трем ключевым блокам:

1. Качественная первичная оценка знаков трех результирующих дилатаций (положительных или отрицательных расширений или стягиваний) ресурсов воспроизводства производительных сил в регионе.
2. Количественная их оценка по величинам правой части системы уравнений (1) для уяснения темпов прогрессивной либо регрессивной эволюции производительных сил.
3. Пространственная оценка расположения стоков и источников выделенных трех типов потоков по графам сети того или иного вида ресурсов в избранной территориальной системе, характеризуемой не абсолютными, а относительными материально-вещественными, финансовыми и трудовыми потоками при известных их исходных ресурсах.

Принципиальные сдвиги, связанные с формированием нового технологического уклада уже в ближайшем десятилетии на базе грядущей транспортно-коммуникационной

революции, создают принципиально новую основу пространственного формирования динамических урбосистем, например, в виде динамических линейных поселений, вдоль осей регионального развития, что вселяет надежду на разумное разрешение демографических и проблем этнокультурного взаимодействия.

© Литовский В. В. Текст. 2016

Список источников

1. Хасбулатов Р. И. Парадоксы экономических теорий и политика // Журнал экономической теории. – 2014. – №4. – С. 39-58.
2. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. – Piper Verlag, 2008. – 189 p.
3. Северный транспортный коридор. Буклет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ador.ru/data/files/static/stk_01.pdf
4. Литовский В. В. [О стратегии регионального и инфраструктурного развития Арктической зоны Российской Федерации: проект «Урарктика»](#) // Эко-потенциал. – 2014. – №4(8). – С. 55-71.
5. Литовский В. В. Оценка эффективности формирования и развития территорий и их производительных сил на основе модели графов связываемых материальных и финансовых потоков // Прогнозирование инновационного развития национальной экономики в рамках рационального природопользования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (14 ноября 2014 г.) / Перм. гос. нац.-исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 44-56.
6. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht [Sons and World Power]. – Zurich: Orell-Füssli, 2006.

Информация об авторе

Литовский Владимир Васильевич (Россия, г. Екатеринбург) – доктор географических наук, заведующий сектором размещения производительных сил и территориальных систем, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, д.29, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru)

Litovskiy V.V.

DEMOGRAPHIC PROCESSES AND PROBLEMS OF SPATIAL DISTRIBUTION OF PRODUCTIVE FORCES IN THE NEW CONCEPT OF DEVELOPMENT

The paper discusses the problem of spatial imbalances in the distribution of productive forces, which includes human resources. Bill was discussed new developments in the x spatial behavior of the labor force. The new concept of accounting behavior of the labor force in terms of the transport revolution. It is based on the author's version of three-factor assessment processes that determine the evolution of the territorial productive forces.

Keywords: demographic processes, the productive forces, the Urals, Eurasia

Information about the author

Litovskiy Vladimir (Russia, Ekaterinburg) - Doctor of Geographical Sciences, head of the distribution of productive forces and territorial systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru.)

УДК 332.1

М.Н. Макарова, Л.Н. Воронина